

АННА ПЛАТУНОВА

АКАДЕМИЯ
ПЯТИ СТИХИЙ
ИСКРЫ ОГНЯ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П37

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

Иллюстрация на обложке
И. Косулиной

Платунова, Анна.
П37 Академия Пяти Стихий. Искры огня / Анна Платунова. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-105423-6

Я родилась в семье могущественных волшебников. Завтра мне предстоит отправиться на обучение в Академию Пяти Стихий. Маги огня, воды, земли и воздуха издавна обучаются здесь, совершенствуя свое мастерство. Ведь мы, стихийники, нужны для того, чтобы защищать простых людей от бестий — смертоносных созданий, приходящих в наш мир неведомо откуда.

Вот только у меня нет дара. Я — пустышка. Позор рода. Мне нечего делать в Академии, но, к сожалению, поступление туда — традиция, которую мне не изменить. Шесть лет унижений ждет меня впереди. Остается только взять волю в кулак и смело глядеть в глаза своим обидчикам.

А какова Пятая Стихия, спросите вы? Не знаю. Никто не знает.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Платунова А., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105423-6

Глава 1

НЕ ДОЖДЕТЕСЬ!

Я стояла на гребне крыши и смотрела вниз, на двор, покрытый осенней разбухшей грязью. Ветер трепал волосы и закручивал вокруг ног длинную юбку, толкал в спину. Так, пожалуй, упаду раньше времени, даже не успею подготовиться. Хотя, может, и хорошо?

Ветер, словно услышав мои мысли, завыл над ухом, забрался ледяными руками за шиворот. Я покачнулась, но в последнюю секунду выровнялась. Я хотела сделать это утром, но смалодушничала почему-то. А сейчас самое подходящее время: темное небо и мое юное тело, распростертое внизу...

Я представила, как живописно я воткнусь носом в землю, и загрустила. Совсем не романтическая картина, прямо скажем. И сдастся мне, братья и сестры вовсе не станут рыдать, а скорее посмеются напоследок. «Опять Корявка учудила!» Так и слышу голос этого балбеса Димера. Посмеются и ужинать пойдут.

Ну и ладно. Зато наступит конец всем моим мучениям. И не придется ехать в ненавистную Академию. И никто больше не посмеется над неуклюжей и бездарной Корявкой. Напрасно я ношу великое имя рода Флогис — за всю жизнь не смогла сотворить ни малейшего огонька, ни искорки. Позор, позор на весь род. И ладно бы еще только это!

Ветер недвусмысленно огрел меня по спине. Давай, мол, Кора Флогис, и так зажила ты, никому не нужная на этом свете.

А умирать все-таки было жаль. Не хотелось умирать, прямо скажем, но и жить так, как я сейчас живу, невыносимо. И дальше будет только хуже. Утром меня, самую младшую в семье, отправят учиться в Академию Пяти Стихий, туда, где уже учатся старшие братья и сестры. А я мало того что не обладаю даже слабеньким магическим даром, так еще и физически слаба.

Женщины рода Флогис всегда сражались наравне с мужчинами. Брида, старшая сестра, мастерски владеет мечами. Вредина Грета стреляет из лука так, что даже папа одобрительно крикает, глядя, как стрела входит точно в середину мишени. А мама в молодости могла делать и то и другое. Она и сейчас выйдет на защиту крепости, если возникнет такая необходимость. Даже после рождения пятерых детей не потеряла формы.

Про Димера и Фроста даже вспоминать не хочу — выскочки и высокомерные засранцы. За всю жизнь доброго слова от них не слышала. Это, кстати, Димер придумал звать меня Корявкой. Каждое утро я слышу: «Корявка опять не сможет отжаться и пяти раз! Корявка, ты болтаешься на этой перекладине, как дохлый червяк! Корявка, чучело сейчас помрет от смеха, ты пытаешься заколоть его мечом или пощекотать?»

Свет не видел более мерзких и гадких братьев. Да и сестры им под стать. Я никогда не стану для них своей. А уж когда они начинают кичиться друг перед другом, кто какие огневики умеет создавать, так хоть плачь. Димер потрет ладони и выпускает в небо огненного дракона. Фрост небрежно потрянет рукой, и с кончиков пальцев слетают искры, которые мгновением позже превращаются в огненные цветы. Грета себе как-то огненные крылья отрастила. Но затмила

всех Брида на летнем празднике богини Солнце — ей доверили ритуальный костер зажигать, так она явилась в платье, сотканном из пламени, и небрежно так золотую огненную розу с плеча сняла, и — хоп ее на сухие дрова — пламя взметнулось до неба.

Обидно! Помню, я маленькая была, родители еще надежды не теряли, что мой дар когда-нибудь проявится. Держали над очагом вверх тормашками, даже как-то косу подпалили. Сколько угодно разрешали баловаться с огнем — в родовом замке Флогисов пламени не боятся, оно нашей крови подвластно. Как-то я пыталась устроить пожар — тяжелая занавеска на окне долго не хотела загораться, тлела и курилась дымом, но потом все же неохотно занялась. Отец заглянул в комнату, щелкнул пальцами, и огонь моментально, даже как-то стыдливо, погас.

Недавно я подслушала разговор родителей, после которого и решила, что незачем мне задерживаться на этом свете.

— Она словно и не наша дочь вовсе, — сокрушенно говорила мама. — Если бы не рыжие волосы и глаза, которые точь-в-точь как у тебя, Леннарт, я бы подумала, что подменили. Ничего в ней нет от рода Флогис. Кухаркина дочь, да и только.

— Так, может, не отправлять ее в Академию, Аста? Засмеют ведь. Она ведь пустышка. Даже великий род не застрахован от появления такого ребенка. Бедняжка не виновата.

Пустышка. Мое сердце болезненно сжалось. Ладно братья всю жизнь смеются надо мной, и для сестер я досадное недоразумение, но родители всегда были со мной добры и по-своему ласковы. А они, выходит, воспринимали меня как калеку, которую пожалеть нужно.

— Нет, пусть едет, — сказала мама, и я не поняла, чего больше в ее голосе — злости или отчаяния. — Пусть едет... Вдруг...

Она продолжала надеяться на что-то? Напрасно. Я точно знала, что я — позор рода Флогис, пустышка, у которой никогда не будет магической силы, слабосильная Корявка, которая чем раньше избавит мир от своего бесполезного присутствия, тем лучше.

И вот я стою на крыше и собираюсь прыгнуть. Всем сразу станет легче. Поплачут и забудут.

Тучи вдруг расступились, и в прореху выглянуло Солнце: покровительница дома Флогис. Посмотрела на меня ласково.

— Я ведь права, мать Солнце? — спросила я, задрав голову к небу. — Так ведь лучше будет?

Мать Солнце прикоснулось к моей щеке теплым лучом, словно хотела приободрить, утешить.

Я всхлипнула, вытирая проступившие слезы. Да, в Академии придется несладко. Как выжить среди всех этих снобов — отпрысков богатейших и знатных родов? На защиту братьев и сестер рассчитывать не приходится. Дара у меня нет. Меч я едва двумя руками могу удержать. И все же...

— Не дождетесь! — сказала я.

Наклонилась вперед и от души плюнула в грязь.

Глава 2

ТЕМНОТА — ЭТО ТО, К ЧЕМУ СЛЕДУЕТ ПРИВЫКАТЬ

Перед последним ужином в семейном доме я пошла навестить бабушку. Поднялась в башню по темной, пыльной винтовой лестнице. Здесь почти никто не ходит, только отец иногда. Я шла при неровном свете пламени свечи, придерживая одной рукой пышную

юбку. Горячий воск плавился и стекал по руке, словно лишний раз пытался напомнить о том, какая я бездарная. Отцу, матери, братьям и сестрам не понадобилась бы свеча для того, чтобы осветить себе путь, — они бы выпустили из ладони светящийся шар, немного похожий на те, что выдувают деревенские мальчишки из соломинок, намешав в тарелке мьльную воду.

Я переступила порог маленькой темной комнаты без окон, так что даже не сразу получилось разглядеть темную тень у стены. Но бабушка всегда стояла на одном месте, так что я нашла бы ее и с закрытыми глазами. Подошла и почтительно замерла рядом. Огонек свечи бросал неровные отблески на морщинистое суровое лицо, глаза смотрели строго, словно бабушка разгадала мои недавние мысли. Хотя, может, и разгадала, кто знает.

Мастер, что лепил из глины ее фигуру, бабушке польстил. Сейчас бабуля выглядела куда стройнее и лет этак на десяток моложе, чем была при жизни. Но все же это была моя бабушка.

— Привет, бабуля. Это Кора. Я пришла попрощаться. Завтра уезжаю в Академию.

Бабуля промолчала. Она обычно всегда молчала. Особо не поболтаешь, когда в тебе одна-единственная искра жизни. Мама рассказывала, что в големе ее прадедушки запечатано не меньше десятка искр. Вот тот настоящий болтун, даже шутит, как живой. Но тут уж как повезет. Не всегда удается поймать последнее дыхание умирающего да иметь при себе свежую глину, чтобы поймать искры, что вырвутся наружу с его последним выдохом, когда душа огненного стихийника будет покидать тело. Папе удалось поймать одну искорку, оставшуюся от бабули.

С ним она иногда говорит. Редко-редко, и все же. А мне пока и слова не сказала, хотя мне всегда

казалось, что она искренне меня любила. Я скусаю по ней.

Я наклонилась и поцеловала холодного глиняного голема в гладкую щеку.

— Пока, бабуля. Надеюсь, еще увидимся.

Прощальный ужин прошел традиционно. Димер и Фрост, прилизанные и одетые в традиционную одежду дома Флогис, усиленно строили из себя приличных отпрысков великой семьи. Они сидели по правую руку отца с одной стороны стола. Мама и вредины-сестрички в своих лучших нарядных платьях, с волосами, уложенными в высокие прически, с другой стороны. Все ждали только меня. Я же только сейчас сообразила, что выгляжу неподобающим образом. Волосы распущены, да что там распущены — на голове полный бардак, ветер постарался на славу. Юбка в грязи и заляпана воском. Я попросту забыла переодеться к ужину.

Мама посмотрела неодобрительно, сестры поджали губы. Эти же два болвана, что звались моими братцами, не выдержали. Маски благовоспитанности, нацеленные на физиономии, быстро с них слетели. Димер толкнул локтем Фроста, и оба фыркнули, а потом залились смехом.

— Корявка, она и есть Корявка, — подвел итог Димер, но отец кинул на него острый взгляд, и братец стух.

— Садись, Кора, — кивнул он, делая вид, что не замечает моего нелепого наряда и растрепанных волос.

Надо ли говорить, что я едва дождалась окончания ужина и удрала к себе в комнату так скоро, как только это было возможно.

— Даже не останешься на десерт? — удивилась мама. — Я специально попросила приготовить твои любимые сахарные башни. Ты ведь наша дебютантка, наша...

— Извини, мамуля, — не слишком вежливо перебила я, не в силах выслушивать эти лицемерные поздравления. — Я так устала. И немного нервничаю перед завтрашним днем. Лучше я соберу вещи и лягу пораньше спать.

— Ой, да что там собирать, — скривила губы Грета. — Форму тебе выдадут в Академии. Новичкам вообще из дома вещи брать нельзя, будто ты не знаешь. Разрешают взять только три вещи, имеющие сентиментальное значение.

Последнее предложение Грета произнесла голосом старосты. Она и была старостой в своей группе на третьем курсе. Ох уж этот назидательный тон, терпеть его не могу. Будто я и без того не знаю всех правил Академии. Спасибо, наслышана уже. Если четверо твоих ближайших родственников учатся там, то поневоле запомнишь все запреты и обязанности. Хоть с этим у меня проблем не будет.

— Ой, спасибо, а то я не знала. Без тебя разберусь, — хмыкнула я, и у сестрички в глазах вспыхнуло затаенное пламя.

Мама плавно подняла руку, и этого было достаточно, чтобы тут же прекратить начавшуюся ссору. Что же, здесь — дома — я еще пока была в безопасности, но вот завтра ничто не помешает Грете отыгаться на мне по полной. Но это будет только завтра. Впереди целая ночь.

На самом деле я давно знала, какие три вещи возьми с собой. Во-первых, маленькую шкатулку, которую давным-давно подарила мне бабушка. Правда, ключ от нее утерян, и шкатулку невозможно открыть. Внутри что-то стучало и перекатывалось, но любовь к бабушке оказалась сильнее любопытства — шкатулку я ломать не стала, хотя время от времени ковыряла замок, пытаюсь подцепить чем-нибудь запирающий рычажок.

Во-вторых, возьму свою Чернильную Бестию. Не помню, как появилось это имя. Наверное, Чернильной я ее назвала потому, что любимая мягкая игрушка по форме напоминала кляксу от разлившихся чернил. С Бестией все было более-менее ясно — ведь она была уменьшенной копией одного из наших злейших врагов — полиписа. Помню, мама еще ужасно ругалась на отца:

— Ты зачем притащил ей эту гадость? Ты вспомни, как ЭТО выглядит воочию. Между прочим, тот шрам на твоем плече от его стрекательных щупалец. И если бы я их вовремя не отрубила, то...

— Знаю, знаю! — беззлобно рассмеялся отец. — Но думается мне: то, с чем привык спать по ночам, не сможет парализовать ужасом, если нашей Коре не посчастливится встретиться с ним в реальной жизни. Может, это даст ей фору пару секунд и придаст ее руке, сжимающей меч, твердости.

Да уж. Ага. Придаст твердости. Моей руке. Я горько усмехнулась, запихивая Чернильную Бестию в маленький саквояж. Думать о том, что мне действительно придется когда-нибудь сражаться с собратьями Бестии один на один, совсем не хотелось. А ведь придется. Хотя бы просто на полевых занятиях по курсу бестиарологии. Именно для этого мы все — стихийники — и заканчиваем Академию. Чтобы защищать простых смертных от чудовищ. Быть не только мудрыми правителями своих земель, но и заступниками своих подданных.

Так, что-то я сама какими-то постулатами заговорила. Грета была бы довольна.

И, наконец, в-третьих, в саквояж отправился блокнот, куда я записывала стихи, нелепые и корявые, как я сама. Но это были мои стихи, и мне они нравились.

Я собиралась не спать всю ночь. Прочитать страницы из любимых книг, может быть, написать еще одно стихотворение — прощальное и грустное. Хотя, конечно, раньше надо было писать прощальные, теперь уже поздно. Все решено — еду в Академию. Шесть лет страданий и унижений мне обеспечены. И потом, после окончания, тоже неизвестно, что меня ждет. Скорее всего, вернусь в родовой замок доживать свой век в одиночестве. Обычно никто не женится на пустышках — дурная кровь. Их дети могут оказаться так же бездарны. Ничего нет страшнее вырождения рода...

Я вздохнула и стерла пару слезинок, что выступили на глазах. Нельзя плакать. Ничего хорошего впереди не ждет, надо уже сейчас закалять характер. И все же мысли о печальном будущем окончательно ввергли меня в уныние. Строчки в книге, что я взяла с полки, расплывались, руки дрожали. Я задула свечи и накрылась с головой одеялом. Темнота — это то, к чему мне следует привыкать. Темнота и отчаяние.

Проснулась от стука в дверь. Пришла служанка, принесла кувшин с теплой водой. Разложила на кровати дорожное платье. Терпеливо ждала, пока я умоюсь, чтобы начать меня одевать.

Какая глупая традиция — надевать в Академию дорожное платье. Если учесть, что сама дорога продлится от силы секунд пять. Это водные, воздушные и земные стихийники тратят массу времени и сил, чтобы добраться до Академии. А огневики могут создавать порталы и мгновенно перемещаться на огромные расстояния. Папа, правда, строго-настрого запрещает нам, детям, пользоваться порталами без его ведома до тех пор, пока мы не сдадим экзамен на вторую степень безопасности. Это очень трудно на самом деле — строить порталы.

Бабуля, когда я была маленькая, рассказывала, что ее двоюродную сестренку разорвало пополам из-за того, что она неправильно приложила силы. Так что после этой истории я немного побаиваюсь огненных кругов, в которые приходится вставать для перемещения. Кстати, Фрост экзамен на вторую степень сдал, но папа ему все равно не доверяет. Всех берет за руку, как маленьких, и сам переводит на другую сторону.

А я никогда не сдам ни на вторую степень, ни на третью. Никогда не создам ни одного портала. Спасибо и на том, что они мою кровь не отвергают — переносят без ущерба. Все-таки не кухаркина дочь, что бы там ни говорили...

Когда я спустилась в зал, меня уже ждали. Братья и сестры в радостном возбуждении обсуждали уже какие-то соревнования, неудобное расписание и новые дисциплины. Предвкушали новый учебный год. Я же шла как на казнь.

Мама нежно обнимала и целовала в лоб всех в порядке старшинства: Фроста, Бриду, Димера, Грету. Отец брал за руку одного за другим и уводил в огненный портал, что жарко горел в центре зала.

В конце концов мы с мамой остались наедине. Она взяла меня за плечи и притянула к себе. Я почувствовала запах лаванды и каких-то пряных трав — мамин запах. Почувствовала, как защипало в носу. Если бы не те ее жестокие слова, я бы прижалась к ней изо всех сил и разревелась. Но тех слов уже ничто не сможет отменить. Кухаркина дочь... За что же ты так со мной, мама?

— Ты у меня сильная и смелая девочка, — сказала мама. — Никогда не сдавайся, как бы ни было трудно. Хорошо?

— Хорошо, — буркнула я, отстраняясь.

Мама вздохнула, но больше ничего не стала говорить. Тут и отец шагнул из стены огня, протянул мне ладонь:

— Готова?

Я кивнула, сжала крепче свой маленький саквояж и шагнула навстречу судьбе.

Глава 3

АКАДЕМИЯ ПЯТИ СТИХИЙ

Круглый холл Академии был забит под завязку. Вообще, это был довольно просторный холл. Помню, когда я была здесь первый раз, в тот год, когда поступал Фрост, мы прибыли раньше, чем нужно. В холле было пусто и гулко, эхо отражалось от высокого куполообразного потолка, стены с портретами выдающихся стихийников находились так далеко, что лица людей на портретах выглядели как светлые пятна на темном фоне. Мне в тот момент показалось, что в холле Академии поместятся пять наших залов, да еще три мои спальни на сдачу.

А сейчас здесь было не протолкнуться. Вокруг меня стояли, сидели на своих саквояжах, кое-где даже лежали скучающие стихийники. Все ждали появления директора и преподавателей для приветственной речи. Родителям не разрешалось задерживаться надолго. Так что отец поцеловал меня на прощание, сказал, чтобы я не вешала нос, и вновь исчез в огненном портале, теперь уже окончательно. Пламя побледнело и несколько мгновений спустя погасло.

Ни братьев, ни сестер уже не было рядом — увидели друзей и убежали. Не стали меня дожидаться. Но я и не удивлена. Слева в толпе мелькнули рыжие во-

лосы, я подумала, что это Фрост, и зачем-то махнула рукой. От растерянности, наверное. А это оказался не Фрост — какой-то незнакомый парень-огневик. Он заметил мой жест и удивленно приподнял брови. Старшекурсник, судя по его уверенному виду. Какой позор!

Я потупилась и принялась разглядывать носки туфель. Все, больше никуда не смотрю. Стою на месте и не шевелюсь!

Но прошло несколько томительных минут, и я все же принялась разглядывать парней и девушек, с которыми мне скоро предстоит учиться рядом. Первокурсников было сразу видно по их испуганным лицам. Они так же ошалело оглядывались вокруг, как я. Правда, рядом с ними частенько находились их братья и сестры, которые, пытаясь подбодрить, рассказывали что-то смешное или просто стояли рядом. Вот как тот парнишка — водный стихийник, что положил руку на плечо испуганной сестренки. Молчит, строго поглядывает вокруг — мол, попробуйте только тронуть мою младшую! Мне стало грустно, и я отвернулась.

Не устаю удивляться тому, как магия стихии накладывает отпечаток на внешность. Огневики всегда рыжеволосы и почти всегда зеленоглазы. Иногда глаза синие, как у меня или у моего отца. Рыжина бывает разных оттенков — от почти красной, горячей, словно пламя, как у Бриды, до спокойной, медовой, как у меня.

Маги стихии воздуха тонкие и изящные, почти невесомые. Они кажутся такими хрупкими и нежными, но на самом деле отличные воины. Я как-то видела их бой на мечах — это не рубилово, как у магов земли, а будто танец — красивый и смертельный. Маги воздуха светловолосые, светлокожие, с голубыми или светлосерыми глазами. Одежда на них всегда сидит идеально,

они всегда сдержанны и подчеркнута вежливы. Я бы даже сказала — заносчивы. А еще они любят всякие побрякушки. Даже парни. Какие-то глупые подвески, какие-то браслетики в пять рядов на руке. Это даже забавно. Только вот посмеяться над ними не получится — получишь в ответ такой холодный и высокомерный взгляд, что надолго пропадет охота шутить. Грета по ним сохнет. Ну, в частности, по Виллису, но мне думается, по воздушникам вообще. Она, конечно, не мне это рассказывала, а Бриде, но так как моего присутствия обычно не замечают, то я часто становилась невольной свидетельницей ее откровений.

Маги воды немного похожи на воздушников, если не приглядываться, то сначала почти не видно различий. Они тоже светловолосые и изящные, но все же более основательные, чем воздушники. И мужчины не любят себя украшать, за что им отдельное спасибо. Глаза у них чаще всего карие — светло-карие, темно-карие и даже черные, как ночь. Тут уж, признаюсь, водники со жгуче-карими глазами — моя слабость. Как-то приезжал к нам на летние каникулы друг Димера... Нет, не буду вспоминать, иначе снова загрузу.

И, наконец, маги земли. Этих я, честно говоря, побаивалась. Вроде отпрыски знатных родов, а ведут себя часто, как... Как... Не могу подобрать подходящего слова. Они шумные, широкоплечие, какие-то бестолковые. Хохочут, толкаются, подначивают друг друга. Каждый — как гора. Я едва до груди могу достать самому низкорослому земному. Волосы и кожа у них словно припорошены пылью. Серые непослушные вихры будто бы никогда не встречались с расческой. Стального цвета маленькие глаза. Умом они тоже не отличаются. Во всяком случае, мне еще ни разу не встречался умный земной.